

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. 634 с.

У рецензируемого сборника долгая и трудная история. Многие из нас запомнили Наталью Андреевну Козинцеву по Первой зимней школе по типологии – в 1998 году. Наталья Андреевна тогда формировала авторский коллектив для очередного выпуска из серии знаменитых типологических сборников Института лингвистических исследований Санкт-Петербурга. Планировалась монография по эвиденциальности – сюжету, знакомому российским лингвистам в первую очередь по пионерской статье Натальи Андреевны, вышедшей в 1994 году в «Вопросах языкознания».

Н.А. Козинцевой не удалось завершить работу над сборником. Начатая ею работа была закончена ее друзьями и коллегами, и сегодня мы можем оценить результат. Сложная биография сборника привела к тому, что важные исследования, посвященные эвиденциальности [Aikhenvald 2004; Aikhenvald, Dixon 2003], оказались не учтены его авторами, а, напротив, некоторые статьи попали в библиографию работ об эвиденциальности значительно раньше, чем увидели свет (напр., материалы В.Ю. Гусева по нганасанскому языку были активно использованы А. Айхенвальд, выводы С.Г. Татевосова – в статье В.С. Храковского из рецензировавшегося в «Вопросах языкознания» сборника [Hansen, Karlík 2005]).

В.С. Храковский, принявший на себя работу по редактированию сборника, указывает на его отличие от обычного формата петербургских типологических монографий: у нее нет обобщающего введения. Еще одна особенность сборника – большое количество авторов не из Санкт-Петербурга: среди участников много москвичей и лингвистов из других стран.

Исследован широкий круг языков: русский, армянский, болгарский, литовский, немецкий, французский, дари, сванский, багвалинский,

коми, нганасанский, ненецкий, тюркские языки (и отдельно – алтайский), японский и индонезийский. Как это принято в петербургских типологических сборниках, предметом анализа во многих статьях являются не только морфологические эвиденциальные формы, но и лексические средства (в отличие, например, от исследования [Aikhenvald 2004]).

Первая часть сборника содержит пять работ Н.А. Козинцевой, посвященных эвиденциальности. По этим текстам можно представить себе, какой объем исследований осуществила бы Наталья Андреевна, если бы болезнь не остановила ее. В обобщающей статье «Типология категории засвидетельствованности» приводится типологическая информация о семантических типах засвидетельствованности (прямая засвидетельствованность, инференциальность, пересказывательность, адмиративность), о средствах ее выражения, которые встречаются в языках мира, обсуждается соотношение эвиденциальной модальности с эпистемическими значениями, а также некоторыми другими категориями: повелительностью, лицом и числом. Следующая статья – «Связи засвидетельствованности с другими семантическими категориями» – видимо, планировалась как более детальное исследование соотношения эвиденциальности и смежных с ней категорий – репортативности, эпистемической модальности, перфекта. Еще две статьи посвящены эвиденциальным значениям перфекта в армянском (языке, который был предметом исследований Н.А. Козинцевой на протяжении всей ее жизни). В первой статье армянский перфект сопоставляется с болгарским; основным материалом для сравнения являются тексты переводов на эти языки романа «Обломов». Исследовав значения этих форм, включая эвиденциальные, автор приходит к выводу о том, что бол-

гарский перфект имеет больше модальных употреблений, а армянский дальше зашел по пути грамматикализации (превращения в перфективное прошедшее), так как у него есть нарративные употребления: он используется для обозначения последовательных событий, входящих в побочную сюжетную линию в повествовании. Эвиденциальные оттенки (инференциальный и пересказывательный) возникают в определенных контекстах армянского перфекта, но не входят в его инвариантное значение. Судя по пятой статье, Н.А. Козинцева задумывала большое исследование эвиденциальных конструкций в русском языке. Опубликованные материалы касаются таких способов выражения пересказывательных и инференциальных значений, как вводные обороты, сложные предложения и частицы (*мол, де, якобы, дескать*). Намечена классификация семантических типов источников информации (конкретное лицо или печатный орган; конкретный, но неопределенный источник; общепринятое мнение). Как и во многих других статьях сборника, в этой работе ощущается желание обсуждать эвиденциальность в дискурсивных категориях: Н.А. Козинцева называет эвиденциальные структуры, типичные для начала текста, указывает на линейную последовательность сообщаемого факта и факта сообщения. К этой статье стоит обратиться тому, кто планирует исследование лексических и синтаксических средств выражения эвиденциальности в языках, не обладающих грамматическими: в конце статьи приводится набросок анкеты.

Кажется, что чтение этих текстов несколько облегчилось бы, если бы редакторы снабдили их короткой информацией о степени их законченности (она явно разнится) и о том, где планировала их опубликовать Наталья Андреевна.

Вторая часть сборника открывается статьей Р. Ницоловой о болгарском языке. Эту почти стостраничную работу можно рассматривать как фундаментальный источник сведений о болгарской эвиденциальной системе практически со всех точек зрения: здесь рассматриваются существующие в болгаристике взгляды на соотношение модальности и эвиденциальности (статья снабжена обширной библиографией), делается обзор болгарской эвиденциальной системы, анализируются значения всех основных форм (конклюдива, ренарратива, дубитатива и адмиратива), рассматривается употребление эвиденциальных форм в зависимости от типа речевого акта и повествовательного регистра. Эвиденциальные формы являются важным языковым средством в публицистике: журналисты выби-

рают между ренарративом и индикативом в зависимости от собственной дистанцированности по отношению к информации. Так, в советские времена ренарратив был обязательным средством для пересказа сообщений агентства Рейтер, индикатив же был предназначен для сообщений ТАСС. Эвиденциальность, таким образом, оказывается не столько механическим обозначением источника информации, сколько прагматически ориентированным инструментом говорящего, который косвенным образом выражает его позицию относительно достоверности информации. Болгарские формы индикатива и дубитатива, по мнению автора, представляют собой полюса этой шкалы достоверности, а конклюдив и ренарратив по дистанцированности существенных различий не имеют, тяготея в зависимости от контекста к тому или иному полюсу.

Б. Вимер исследует косвенную засвидетельствованность в литовском языке: она выражается формами причастий с особыми связками. Эти конструкции одновременно выражают пассив, поэтому засвидетельствованность трудно отличима от пассива. Два типа причастных конструкций, имеющих эвиденциальное значение в литературном языке, распределены как пересказывательный и инференциальный. Обе они не являются разговорными. Б. Вимер обсуждает генезис эвиденциальных форм, приводя некоторые аргументы в пользу того, что во всех индоевропейских языках, где имеется эвиденциальность, она не является индоевропейским наследием. Эту статью отличает наличие информации о частотности тех или иных явлений на основании литовского корпуса.

Б. Ханзен, автор статьи о немецком языке, рассматривает лексические и грамматические средства выражения эвиденциальности. Конъюнктив 1 и конъюнктив 2 оформляют сентенциальные актанты при глаголах речи. Однако использование этих форм не ограничено зависимыми клаузами, поскольку в большом тексте глагол речи может быть использован лишь однажды – в начале, и конъюнктив тем самым приобретает функции, схожие с репортативом: он является маркером того, что информация получена с чужих слов. Впрочем, как и в литовском, эти контексты конъюктива более характерны для письменной речи. Б. Ханзен анализирует также эвиденциальные употребления некоторых модальных глаголов (*Peter soll kommen* = говорящий сообщает, что Y хочет, чтобы Петер пришел).

Е.Е. Корди относит к выражающим эвиденциальность категориям французские фор-

мы кондиционала (*conditionnel présent conditionnel passé*) и будущего времени (*future simple* и *futur antérieur*). Кондиционалом маркируется передаваемая с чужих слов информация, за которую говорящий не берет на себя ответственность, при этом в ближайшем контексте, как правило, имеется указание на источник этой информации. Кондиционал может обозначать и инференциальность, то есть информацию, которая создается самим говорящим на основе имеющихся у него сведений. Для такого кондиционала характерно наличие в контексте модальных слов «возможно», «наверное» и называние предпосылок для вывода. Любопытно наблюдение о том, что инференциальный кондиционал часто употребляется в риторических вопросах, хотя приводимые автором примеры не совсем убедительны. Корди предлагает рассматривать два типа европейских языков с точки зрения выражения эвиденциальности: использующие для этого перфект или косвенные наклонения. Французский относится ко второму типу.

Эвиденциальные формы сванского языка (Н.Р. Сумбатова) выражают самый широкий круг значений (информация с чужих слов, инференция, сны, адмиративность): они используются тогда, когда говорящий хочет снять с себя ответственность за информацию. Отметим сразу, что аналогичный круг значений имеют багвалинские эвиденциальные формы (статья С.Г. Татевосова). Судя по морфологической организации сванских эвиденциальных форм, они представляют собой относительно «молодое» образование, поскольку являются аналитическими, в отличие от всех остальных форм глагольной парадигмы. Автор предполагает и убедительно доказывает происхождение эвиденциальных форм из результативных конструкций. На основании синтаксического поведения перфективного и имперфективного эвиденциалов (они по-разному кодируют актанты) можно предположить, что перфективные формы восходят к так называемым вторичным посессивным результативам, а имперфективные – к формам субъектного результата.

Статью С.Г. Татевосова о багвалинском языке отличает информация о том, как связаны эвиденциальные значения с лексическими типами глаголов. Автор, в частности, делает вывод, что пересказывательное значение перфекта имеет минимальные лексические ограничения, а наиболее широкий круг эвиденциальных значений способны выражать пунктивные глаголы. Привлекает внимание анализ адмиративных употреблений багвалинского перфекта: автор находит, что для возникновения эффекта адмиративности значимым явля-

ется не только состояние знаний говорящего, но и ожидания слушающего: адресат должен быть неподготовленным. Восприятие этой интересной статьи несколько затрудняется тем, что тонкие семантические наблюдения делаются почти исключительно на основе искусственных примеров, где играют большую роль сложно определяемый контекст и коммуникативная ситуация.

Без статьи В.Ю. Гусева о нганасанской системе эвиденциальных форм сборник обладал бы значимой лакуной, поскольку в нганасанском языке разные типы косвенной засвидетельствованности кодируются особыми глагольными формами: аудитивным наклонением, инференциалом и ренарративом. В форме аудитива чаще всего встречаются глаголы производства звуков, хотя аудитив используется и вне контекста слухового восприятия. Инференциал, помимо обозначения логически выведенной информации, широко используется в адмиративном значении. При этом, в отличие от багвалинских адмиративных контекстов, нганасанский адмиратив может обозначать, что информация является новой для говорящего, вне зависимости от того, представляется ли она говорящему неожиданной или он имел предварительные знания о возможности ее наступления.

Богатым набором эвиденциальных форм обладает ненецкий язык (М.Д. Люблинская, А.Л. Мальчуков). Помимо собственно эвиденциальных форм (симилятива и аудитива), рассматривается пробабилитив (по кругу значений сходный скорее с упоминавшимися выше косвенными наклонениями немецкого и французского языков) и перфект.

Статья Х.Ф. Исхаковой, Д.М. Насилова, И.А. Невской и И.В. Шенцовой анализирует данные татарского и узбекского языков, с привлечением шорского. Исследователи отмечают необязательность выражения эвиденциальных значений в тюркских языках: сообщение о некотором факте может не маркироваться как засвидетельствованное или незасвидетельствованное в зависимости от желания говорящего. В значении косвенной засвидетельствованности (пересказывательность, адмиративность, инференциальность) могут выступать формы перфекта на *-ган* (узбекский, татарский, шорский); формы перфекта на *-(u)б + (ди)*, имеющие разный эвиденциальный статус в упомянутых языках, и некоторые другие. Рассматриваются и лексические средства выражения эвиденциальности.

Алтайский язык (Е.К. Скрибник и А.А. Ознова) имеет средства выражения косвенной засвидетельствованности, пересказывательности и миративности, причем эффект мира-

тивности (= адмиратива) возникает тогда, когда говорящий получает информацию из непосредственного наблюдения. Помимо грамматических форм, миративность может выражаться особыми частицами. Обилие средств для выражения миративности приводит авторов к выводу о «расцвете миративности» в тюркских языках Южной Сибири.

Японский язык (В.М. Алпатов) выражает эвиденциальные значения с помощью служебных глаголов и частиц, обозначающих пересказывательность и инференциальность.

Ссылаясь на мнение Н.А. Козинцевой, А.К. Оглоблин отмечает, что в индонезийском языке эвиденциальность выражается исключительно лексическими средствами – глаголами, именами, наречиями.

В сборнике есть некоторые «сквозные сюжеты», которые явно заслуживают специальных исследований. В частности – место эвиденциальных форм в дискурсе. Один за другим исследователи сообщают о том, какие текстовые регистры тяготеют к использованию эвиденциальных форм. Так, болгарский ренарратив наиболее характерен для сказок, мифов и легенд, а также для публицистики. Что касается исторических текстов, то ренарратив более типичен для популярных сочинений, например, для детской исторической литературы. Болгарские научные тексты излагают исторические факты как достоверные – с помощью индикатива. Автор статьи о немецком языке отмечает, что выражение цитативности особенно характерно для публицистических текстов. Французский эвиденциальный кондиционал встречается в публицистике и научных статьях. Сванские эвиденциальные формы используются в фольклоре и рассказах о далеком прошлом. Заметим, впрочем, что сванские данные базируются на анализе устных рассказов; такого рода данные о регистре текста сложно сопоставлять с теми, которые основаны на исследованиях письменной речи.

Суммируя в заключительной статье наблюдения, сделанные авторами сборника, В.С. Храковский отмечает, что эвиденциальные значения можно разделить на выражающие прямую и непрямую засвидетельствованность, причем к прямой относится зрительное восприятие и любая информация о таком событии, в котором говорящий участвовал лично, в то время как непрямой всегда является слуховая. Значительная часть статьи Храковского посвящена обсуждению того, являются ли инферентивные значения всегда недо-

верными с точки зрения говорящего. Не пересказывая в деталях аргументы автора, сообщим вывод, к которому он приходит: эпистемическое и эвиденциальное значения могут сочетаться друг с другом различным образом.

Данные сборника подтверждают эту точку зрения. Априорное впечатление, что если факт известен говорящему не из личного опыта, то сообщение об этом всегда будет сопровождаться сомнением в достоверности этого факта (так, например, в болгарском языке), не подтверждается. Так, в багвалинском языке эти формы не обладают оттенком сомнения; в нганасанском ренарратив не только не понижает надежность информации, но подчеркивает ее ссылкой на источник информации. По этой причине нганасанский ренарратив используется скорее в рассказах о реальных событиях, чем в легендах. С другой стороны, в японском языке, судя по замечаниям автора, эвиденциальные формы являются средством снижения достоверности.

Примечательно, что последняя часть статьи В.С. Храковского посвящена анализу русской лексики *оказывается* – значимой для всех, кто занимался кавказскими языками: именно это слово является наиболее частым русским эквивалентом дагестанских форм косвенной засвидетельствованности и потому широко употребляется в устной русской речи дагестанцев.

Среди немногочисленных технических огрехов книги можно отметить отсутствие ссылки на работу Т.В. Шмелевой в библиографии к одной из статей Н.А. Козинцевой (с. 89) и утрату штриховки в таблице сванской глагольной системы (с. 319).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Козинцева 1994 – Н.А. Козинцева. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3.
Aikhenvald 2004 – A. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.
Aikhenvald, Dixon 2003 – A. Aikhenvald, R. Dixon (eds.). Studies in evidentiality. Amsterdam, 2003.
Hansen, Karlík 2005 – B. Hansen, P. Karlík (eds.). Modality in Slavonic languages. New perspectives. München, 2005.

Н.Р. Добрушина